Автор: Мысли вслух
01.12.2018 17:27

О конкурсном произведении 224. «Сопротивляемость».

Сопротивляемость

Пугаешься о вечном.
О ремонте,
о тайне первородного грибка.
Что двери за тебя, а угол против,
болезненно, темно,
исподтишка.
Любой, одноэтажный,
ближе к югу,
где тающий песчаник невесом
и комнаты беременны друг другом
до глиняного сбоя
хромосом.
Безвыходная зреет анфилада,
глухая перспектива перемен.
Упористой походкой ретрограда
бегу-бегу в двухмерный гобелен,
в клиническую шелковую завязь
танцоров, пастухов и циркачей:

за той спиной потрескивает фланец,
а то плечо закрыло Колизей.

Так дотяну до нового прихода,
до выигрышной цифры спортлото,
на дне чего-нибудь,
не зная брода,
и ничего не зная ни про что.
Нет света.
Под светильник с керосином
по черному волнующему льду
проехать на полозьях из торгсина
с шикарной сигаретою во рту
в каком-нибудь кашне американском
без музыки,
играющей кино --
в такую водянистую окраску
бесстрашие, как мост, разведено.

Если бы некое помещение вознамерилось написать стихи или просто рассказать о себе, ему бы понадобился человек. И здесь такой человек нашёлся, и сделал это весьма успешно. Фантазия о погружении в психологию дома автору текста удалась (констатирую как имхофакт).

Пугаешься о вечном, о ремонте — этот зачин мог бы в равной степени принадлежать и человеку, и дому. Дому, которому тоже присущ невроз тотальной ревизии, необратимости перемен. Дому, который рефлексирует по поводу подлого угла и дружественных дверей, а тайна первородного грибка повергает его в смятение.
Дом довольно пожилой, существует в мире людей как минимум со времён торгсина, но человеческий язык (в данном случае русский) всё же остаётся для него «немножечко иностранным». Пугаешься о. Хм... Как намеренная корявость — слишком рискованно для первой строчки. Но как способ с места в карьер заговорить «с акцентом» косного языка вещей — вполне имеет право быть. Автору, впрочем, удалось сделать этот акцент обаятельным и уместным: этот гулкий, анфиладно устроенный «испуг о.., о.., о...» перекликается с образом беременных друг другом — вырастающих друг из друга «путём почкования» — проходных комнат.

То же можно сказать о «первородном грибке» – «грехе» в переводе на человеческий: тот же намеренный сдвиг в иноязыкость, в некую условную «речевую действительность» предметного мира. Если рассматривать это как художественный приём, то автор явно им владеет.

Со строчки «Любой, одноэтажный, ближе к югу» соло дома превращается в дуэт — вплетается голос человека, и начинает брезжить сюжет всего этого поэтического сообщения: некто лир.герой подумывает, не купить ли / не снять ли домик где-нибудь

возле моря, но его заранее пугает перспектива перемен. Реальность «сопротивляется» его мечте.
Весьма узнаваемый и знакомый каждому ментальный жест, не правда ли? «Эх, бросить бы всё, поселиться в домике на берегу моря...» Жест имеет оттенок необязательности, модальность БЫ. Но помечтать-то можно...

Чем дальше в текст, тем все более конкретные очертания обретает эта грёза из БЫ. Возникают детали: так, стены комнат (или одной из комнат) украшены гобеленами и шелкографией с изображениями «танцоров, пастухов и циркачей».
Они, эти персонажи и образы с картин/ковров, в виду скученности существования или по каким-то иным причинам, уже давно перемешались и вступили в своеобразный симбиоз, причём не только между собой («то плечо закрыло Колизей»), но и с элементами бытовых приборов («за той спиной потрескивает фланец»).
/А может, этот домик – подсобное помещение какого-нибудь музея? – мелькнула мысль./
ЛГ вбегает — или представляет, как вбежит, когда у него появится такая возможность — в это двухмерное гобеленовое измерение «упористой походкой ретрограда».
Ретро, ага: вот мы уже и о человеке, о лир.герое кое-что узнаём, помимо того что он есть мечтатель-эскапист. Он ещё, плюс к этому, любитель старины и всяческих рарных айтемов, наподобие ботинок из торгсина (существовавшего в СССР в 30-е годы), керосиновых ламп и «кашне американских», бывших когда-то предметом шика.

Пишу это, и в голову закрадывается смутное подозрение: уж не прав ли Доктор и не идёт ли речь о стилизации, не написан ли стих от имени человека из каких-нибудь «тех времён»? Ведь вот и в Спортлото он надеется выиграть, совсем по-советски, и вообще...
Но что-то во мне сопротивляется этой мысли. Слишком пост-пост-модерновым, современным выглядит представленное здесь сознание, слишком смелы и уверенны в своих приёмах психоделические «игры разума».
/А тут еще и некая отдельная медицинская линия проглядывает: сбой хромосом, клиническая завязь... Закрадывается мысль: уж не опыты ли тут ставят, в этой странной подсобке на берегу моря, при свете винтажной керосиновой лампы? что-то вроде бесконтактной лоботомии .../

Мне казалось, всё разрешит, шикарно выстрелив, концовка. Текст крутанёт какое-нибудь этакое фуэте, и все причудливо разложенные там и сям кусочки пазла взметнутся и соберутся в картинку безупречной чёткости.
Но для меня как для читателя этого не случилось. Концовка довольно спокойная, предсказуемо закольцованная, хоть и не без изящества исполненная:

в такую водянистую окраску
бесстрашие, как мост, разведено. —

что, вероятно, означает: мечта осталась мечтой, мысль о домике у моря, о побеге в гобелен в очередной раз недовоплотилась... it was just a dream, just a dream (c).
Вывод. Водянистого, в гомеопатических дозах принимаемого «бесстрашия» недостаточно для решительных действий по смене местожительства и прочих судьбовных авантюр. Бесстрашие должно быть принято в концентрированном виде,

одним глотком.

То есть (резюмирую), будь этот в высшей степени выразительный и яркий текст стихотворением одного жеста («а вот бы... а не махнуть ли на всё рукой и .... Но нет, нет... увы, но не сейчас») — можно было бы сказать, что автор блестяще справился с поставленной задачей.
Но здесь же так много ещё всего... Это же настоящий текст-коридор, полный дверей-порталов в другие измерения (измерение «дома», измерение «гобеленов», измерение «клиники», измерение «ретро»). В общем, сплошная эклектика, как выразился Доктор. Бездонная алисье-кроличья нора, разверзнутая в горизонтальной плоскости: лг не упал в нее, а проехал, красиво проскользив на подошвах-полозьях.
Я не успела его как следует разглядеть. Пожалуй, это и есть моя основная и единственная претензия к автору: недопоказал. Оставил за кадром слишком многое.

ИМХО-КЛУБ